

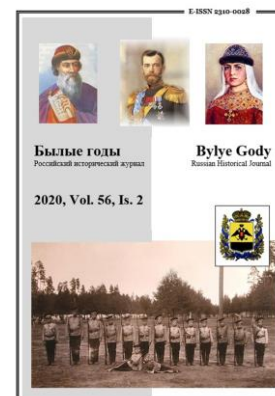
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 871-877. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.871
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Representation of the History of the Provincial Merchants of Late Imperial Russia in the Contemporaries' Everyday Narrative

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Svetlana I. Grakhova ^c

^aInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^cNaberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract

As being based on the recorded materials of oral history, the authors, while applying public history and local history approaches, aim to study the processes of representation of the provincial merchants of the Zakamsky region of Tatarstan in the historical consciousness of wide groups of their contemporaries. Oral narratives are characterized as being plot-based, traditional, dynamic, simple and easy to perceive; they have an arbitrary form and memoir-illustrative style of speaking. They follow well-known historical texts and general-audience information and contain a certain degree of artistic fiction, which is why they tend to turn into a popular mass culture product, contributing to advertising the city. Oral stories represent the images of the merchants in historical memory as simple and open in communication businesspeople, sincerely caring for fellow countrymen and city patrons who worked for the common good. With that said, the extremes of highlighting class shortcomings, satirization or iconization of reconstructed merchant images in the existence of history are completely absent in public space.

Keywords: public history, Russian province, merchantry, Russian Empire, historical consciousness, historical memory, local history, oral history.

1. Введение

«Диалог эпох», пожалуй, самый любопытный аспект для междисциплинарной компаративистики. Прошлое и настоящее часто «вступают в полемику» и конфликтуют в представлениях об исторических событиях, людях и их деяниях. Дореволюционное российское купечество – сословие, вызывающее глубокий интерес у современников. Это и стало, в свое время, основанием для изучения образного восприятия недифференцированным множеством современников представителей торгового люда. Особый исследовательский интерес представляет уже укоренившаяся в массовом сознании постсоветской эпохи смена метанарратива дискурса купца с радикального образа буржуазного антагониста рабочего класса в гомогенную икону предпринимателя-благотворителя. Усилившийся в последнее десятилетие антропологический поворот в социальных науках в нашей стране ослабил экономическую и политическую инструментализацию исторической науки, а возродившееся в 1990-х гг. краеведение, сейчас пытающееся вырваться из любительского историописания в когнитивные практики локальной истории, способствовало регионализации исторических исследований и расширению доступа в прошлое широким слоям провинциально-городского социума, выступающим в ипостаси не только потребителей истории, но и активных агентов ее сотворения-репрезентации.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov), sg2223@yandex.ru (S.I. Grakhova)

2. Материалы и методы

2.1. Научный интерес статьи сконцентрирован на совокупности представлений и мнений современников о личностях купцов Закамского региона Татарстана, связанных с ними фактах и явлениях, а также практиках трансляции и функционирования этих нарративов в поддающемся прочтению городском пространстве исторической памяти. В этой связи проблема раскрывается в первую очередь на базе задокументированных источников устного происхождения через сложившиеся практики «устной истории». Информация, полученная из них, научно организована, что позволит сохранить ее от дальнейшего забвения.

Эмпирический материал был записан С.И. Граховой в процессе краеведческих и фольклорных исследований, в беседах и интервьюировании городского населения Елабуги и Менделеевска, жителей деревень и сел Елабужского и Менделеевского районов Республики Татарстан в период 1995–2020 годов. Записи текстов сопровождалась фиксацией сведений о рассказчиках.

Предметом нашего исследования стали устные рассказы о купцах, бытующие в народной среде наших современников в разных жанровых образованиях: случай из жизни, воспоминание, забавная история, семейное предание, рассказ о необъяснимом, порой фантастическом, происшествии, байка о знакомых, толкование снов, рассказы о чудесах, и даже слухи, толки, сплетни. Подобные повествования прочно вошли в речевую повседневность современных жителей городов, сел и деревень. Отчетливо не выделяясь, гармонично вплетаясь в поток речи, «устный рассказ в большей степени, чем другие жанры фольклора, принадлежит языку повседневного общения» (Веселова, 2003: 534).

2.2. Методологические основания исследования выстроены в русле проблематики концептов «историческая культура», «историческая память», «локальная история» и связаны с изучением механизмов воспроизводства повседневных представлений коллективных групп современников о прошлом на основе анализа документов устной истории. Определяющий для данной статьи лингвистический поворот в исторической науке сфокусировал наше внимание на репрезентации образов и роли купечества в локальных измерениях истории провинциальной России. Историописание у нас таким способом трансформируется в изучение обыденного исторического сознания местного социума, представленного в форме устного повествования. Это историосказательное опосредование, основанное на доминирующих конструктах господствующей идеологии, местно-патриотических настроений и сюжетно-смысловых описаниях данного прошлого другими, насыщает интерпретации говорящего заданным языком и текстом, уместными смыслами размещения событийной палитры в процесс производства значений в форме привычных и удобных продуктов массовой культуры.

Конец XX века стал для России временем повального увлечения местной историей. Упростившийся доступ к историческим текстам, организованные формы объединения любителей старины активизировали исторического потребителя, усилили «чувство места», рефлексировали желание понять локальный нарратив. Выступая как публичная история снизу, локальная историческая культура коллективных носителей исторической памяти в научных рамках нашего мемориального исследования позволяет изучить «современенное» прошлое в сознании этих субъектов.

Методика эмпирического исследования реализовывалась нами на двух уровнях: через методы полевой работы, нацеленные на обнаружение и фиксацию устного нарратива посредством включенного наблюдения и неформализованной беседы-интервью, и с помощью методов анализа фольклорного материала (описательного, сравнительного и сопоставительного).

Материалы интервью, проводимых с заранее продуманными вопросами, подвергались традиционной внутренней и внешней критике, включая проблемы достоверности информации и репрезентативности устных текстов. При этом субъективным фактором выступали психологические аспекты, обусловленные общением респондентов и интервьюера.

3. Обсуждение

В науке XIX века отсутствуют записи и исследования повседневного нарратива – устных городских рассказов, однако отдельная фиксация слухов, толков, чудес, городских легенд и пр. была сделана бытописателями того времени (например, Пыляев, 1889; Пыляев, 1891).

В начале XX века (1910–1920 гг.) наука проявила интерес к городскому нарративу. Петербургская школа краеведения, идейным вдохновителем и основоположником которой являлся И.М. Гревс, начала изучение бытовых рассказов о Петербурге. Далее увидели свет книги Н.П. Анциферова «Быль и миф Петербурга» (Анциферов, 1924), «Пути изучения города как социального организма» (Анциферов, 1924). Е.З. Баранов (Баранов, 1928) обратил внимание на московские легенды. Свои записи исследователь делал в среде непосредственного бытования жанра – в живом разговоре. В это же время в свет выходит «Купеческий бытовой портрет», мемориализовавший визуальные способы репрезентации прошлого купечества (Купеческий, 1925). К сожалению, исследования, начатые в первые десятилетия XX века, были прекращены и возобновились лишь в 1980-е годы (Иванов, 1982). В зарубежной фольклористике особый интерес

представляют исследования W. Labov (Labov, Waletzky, 1967) и др. Нарративу нового времени, преимущественно городскому, посвящены спецвыпуски журнала «Fabula» (1985; 1990).

4. Результаты

Интерес представляет совокупность ситуативно возникающих (существующих) «городских» текстов, содержание которых связано с репрезентацией купеческого сословия. Структурно городская словесность состоит из нескольких уровней, «каждому из которых соответствуют: функциональная направленность, круг носителей и сфера бытования, специфические формы коммуникации, способы трансмиссии текстов, обстоятельства актуализации» (Разумова, 2003: 544). Так, изучаемые нами тексты «работают» на повышение статуса города. Носители передают их «для воспитания «любви к родному краю, сознательного приобщения к известным культурным ценностям. С их помощью создается определенный образ города. Не случайно на этом уровне преобладают жанры так называемой исторической прозы с соответствующим набором сюжетов и особым способом идеализации» (Разумова, 2003: 545). В рассказах горожан Елабуга презентуется богатым купеческим городом с незыблемыми традициями, пышными ярмарками и передовыми технологиями (часты, например, рассказы о том, что город одним из первых приобрел водопровод). Подобный образ небезоснователен объективно исторически и в горизонте коммуникативной памяти. В достаточно известной среди елабужан «Истории города Елабуги с древнейших времен» (1901) Н.И. Шишкина, выступающей таким образом меморализованным источником коллективного самоопределения, Елабуга предстает, как один из самых красивых и благоустроенных городов Вятской губернии. В городе была устроена публичная библиотека, «благодаря стараниям и энергии Елабужского потомственного почетного гражданина, инженер-механика Федора Васильевича Стахеева в городе Елабуге появилось на улицах электрическое освещение и устроен прекрасный водопровод, снабжающий город хорошою здоровою водою. Умственный рост известного города измеряется количеством находящихся в нем учебных заведений...» (Шишкин, 1901: 189). Коммеморация качественной социальной инфраструктуры приобретает пространственно-временную локализацию значимого для горожан опыта.

В устной истории города значимое место отводится известным личностям. Так, сказания о городах Елабуги и Менделеевска связаны и именами людей, принадлежавших великим купеческим династиям: Стахеевым, Ушковым, Гирбасовым, Шишкиным и мн. др. Как отмечает И.А. Разумова, рассказы, в которых фигурируют имена известных людей, «большой частью нельзя отнести к преданиям «об исторических лицах». У этих текстов иная целевая установка, и исторические персоны, как правило, получают лишь косвенную характеристику или вовсе лишены таковой. Они привлекаются к местной истории с тем, чтобы повысить авторитет города, особенно провинциального, служить знаком этого авторитета...» (Разумова, 2003: 549).

В рукописи С.А. Ефремова «Торговая Елабуга» (1929) читаем: «Елабужские купцы и промышленники везде пользовались кредитом и уважением. Обширная торговля елабужских купцов создала замечательных личностей в торговле, как И.И. Стахеев, К.Я. Ушков, Ф.Г. Чернов.

В.И. Немирович-Данченко приводит следующий факт из торговой деятельности И.И. Стахеева: «Есть, например, два утеса на Чусовой, Разбойник – на юг от Ниновского завода и у самого завода Мултун. Это сцилла и харибда для уральских сплавщиков. Особенно у Разбойника – спокон веку разбивались сотни барок. Сколько жизней он стоил и не сочтешь. Как ни просило местное население снести его – официальная мундирная наука, ничего не делающая без чудовищных смет и выгодных ассигновок, признавала это невозможным. Наконец, в 1876 г. простой купец Стахеев из Елабуги на свой счет и своими рабочими взял да и взорвал камни. Это был опаснейший пункт на Чусовой. В 1874 г. у этого утеса разбилось 30 барок с железом» (Ефремов, 1929: 233).

Далее: «К.Я. Ушков, бондюжский крестьянин, явился пионером в развитии русской химической промышленности, надо было иметь большой ум, чтобы в эпоху 50-х годов, в глухой провинции, среди лесов и болот создать химические заводы, лучшие в России.

Ф.Г. Чернов был делец первой руки, энергичный, предприимчивый, сумевший с 15 тыс. руб. нажить миллионное состояние. Он сделался миллионером. Он открывает предприятие за предприятием... Он царит как король на Каме по части хлебной торговли. Ему оказывают почести, его расположения заискивают чиновники и купцы. Сундуки его ломятся от золота. Быть кавалером было тогда большой редкостью в купеческом мире» (Ефремов, 1929: 234).

Столь лестные характеристики купцов, сделанные в начале XX века, созвучны повседневному нарративам наших современников. Предлагаем рассмотреть ряд примеров.

1) Ты вот послушай. Чего хулили купцов-то?! На них Россия держалась. Стахеев-то, вон, баржи с хлебом, что за границу шли, остановил. Все потом на Волгу голодным отправил. И убытков не побоялся. Народ накормил. А знашь, Ушковых-то фамилию, так у их в Бондюге [ныне г. Менделеевск – авт.] завод был. До сих пор этот завод работает. На века строили... (Максютин Е.В., 1946 г.р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 2005) (Грахова, 1995-2020).

2) Ушковы-то знатные купцы были. Мне вот бабка в свое время рассказывала, что Ушковы и в Елабуге, и у нас почтением пользовались. Завод-то химический ими построен. Говорят, что люди,

которые на них работали, разное переносили. Бывало, что и несчастные случаи происходили. Так Ушков ни одну семью не бросил. Всех поддерживал. Ребятам постарше при дворах, мастерских пристраивал, матерей с малыми детьми финансово поддерживал. Если деревенские жители, то ближе переселял или в город, работой обеспечивал. Тех, кто смышлен, грамоте обучал и в конторские определял. Так-то! (Фролова А.Я., 1953 г.р., уроженка с. Яковлево (Елабужского р-на Республики Татарстан), в Менделеевске проживает с 1959 г. Запись: 2003) (Грахова, 1995-2020).

3) Улица Казанская вся мощеная была. Дома добротные, основательные. У купцов-то первой гильдии все дома каменные, по первой линии располагались, ближе к реке. У тех купцов, что попроще, второй-третьей гильдии, дома-то снизу были каменные, а сверху деревянные. Верхняя-то часть жилая, а нижняя – лавка. Все продумано. (Иванова Т.А., 1921 г.р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 1998) (Грахова, 1995–2020).

4) Елабуга богатым была городом. Купцов не счесть. Один-то, вроде из Стахеевых, водопровод наводрил в городе, все потом на фонталах белье-то полоскали. Вот, значит. Еще освещение купцы в городе сделали. А жена-то одного из Стахеевых училище открыла. Здание в помин мужу построила. Сейчас там пединститут. Вот ведь! До сих пор, значит, там учатся. Зачтется им на небе. (Г.Е. Тарасова, 1912 г.р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 1995) (Грахова, 1995-2020).

В последнем случае материальная единица – здание, которое ныне занимает Елабужский институт Казанского университета, – в силу своей доминанты в городской архитектуре и узнаваемости для горожан кристаллизовалась в устойчивую символическую часть купеческого наследия, сохраняемую и воспроизводимую в памяти многих поколений городской общности. При этом способы восприятия и интерпретации данного пункта коллективной памяти носят статичный характер, конституированный вокруг традиционных устоявшихся мотивов.

Для устных рассказов как жанра народного творчества характерна установка на достоверность, то есть «ссылка внутри текста на реальность происшедшего события (указание времени, места, участников, с разнообразными подробностями и прямое подтверждение достоверности)» (Веселова, 2003: 536). Однако задача устных рассказов не в передаче информации, а, скорее, в ее обработке, интерпретации сказителем и понимании слушателем. Рассказчик, как правило, создает жизненный сюжет по традиционным образцам народного творчества. И.С. Веселова отмечает, что «мы не самостоятельны в выборе событий рассказа, поскольку ориентируемся на его «интересность» для собеседника. Мы оформляем в повествование личный опыт по готовым материалам и при помощи выбора «общих мест»: мотивов, структуры и т.д.» (Веселова, 2003: 536).

Американский этнолингвист В. Лабов в модели сюжетного нарратива определяет структурную общность основных эпизодов: резюме – некая проба, «реклама» для слушателя; заинтересуетесь темой – рассказ состоится; «описание окружающей обстановки или расположение (setting or orientation)» – указание места, времени, участников событий; осложнение (complication), развязка (resolution), кода (coda) – переход из временного пространства описываемых событий к реальности; «оценка (evaluation) выражается прямым утверждением, лексическим усилением, приостановкой действия или повторением, символическим действием или суждением третьего лица» (Labov, Waletzky, 1967: 12-44).

По нашим наблюдениям сюжетопостроение устного рассказа о купцах основывается на трех элементах: привлечении внимания слушателя (некий вход в ситуацию повествования), собственно передаче события (нахождение в ситуации повествования), завершающей реплике, часто оценочного характера (выход из ситуации). Как правило, устные рассказы односюжетны, повествуют о каком-то ярком событии, ситуации.

Состав бытующих жанровых образований отличается разнообразием – это слухи, толки, утверждения, сказовые формы, воспоминания родных и пр., однако в область наших изысканий попали не все формы припоминания и реконструкции, а только имеющие если не традиционный сюжет, то хотя бы отдельные традиционные мотивы. О времени появления устных рассказов трудно судить, первые же записи рассказов-сообщений и сюжетных повествований были сделаны к концу первой половины 1990-х гг. Отличительная особенность изучаемых текстов – тяготение к положительной оценочности представителя купеческого сословия.

В образе человека из торгового сословия народные сказители подчеркивают простоту, открытость в общении, доброе внимание к людям. Деловая жилка, надежность и сила в нем, по мнению народных авторов, была опорой страны и российскому народу. Такое изображение купцов в елабужских, менделеевских и др. повествованиях резко отличается от их традиционно сатирических образов в русской словесности. Ценность изучаемых рассказов видится в художественной реконструкции лиц и событий, связанных с историей города и района, в тяготении народных сказителей все осознать, трактовать, персонифицировать и созидать с гуманистических позиций правды, добра и красоты, что является отражением общей тенденции отечественной словесности.

Ранее в публикациях отмечали, что «центральный мотив, вокруг которого группируются почти все известные рассказы жителей Елабуги и Менделеевска о людях торгового сословия, – это мотив купеческих благодеяний». «В нем воплощено народное представление о человеке, способном на

бескорыстную помощь, поддержку, отзывчивость» (Grahova, Gapsalamov, 2014: 411). Популярные сюжеты можно представить следующими тематическими группами:

- благотворительная деятельность (помощь голодающим крестьянам Поволжья; помощь в восстановлении домов елабужан после большого пожара 1850-го года; помощь малоимущим; одаривание за добрый поступки и пр.)

- облагораживание города;

- просветительская деятельность (самый популярный сюжет о строительстве Епархиального женского училища).

Артикуляция исторического сознания в данных сюжетных формах складывалась в локальных сообществах под воздействием СМИ, краеведческих изданий, научно-популярной литературы. Существенное влияние оказали также просветительская деятельность Елабужского городского музея-заповедника, Краеведческого музея г. Менделеевска, общегородские мероприятия, создавая метанарративное поле исторической культуры жителей провинции в условиях взаимодействия носителей памяти, профессиональных историков и общественных институций и конструируя его поливалентные интерпретации в заданных местно патриотическими границами сюжетных рамках.

Устные рассказы о купцах не лишены добродушного юмора с серьезной подоплекой, возможно восходя к новеллистической сказке. В небольших, часто напоминающих истории по случаю, текстах комическое выражается прежде всего в ситуациях и слове.

1) Вот история о Щербакове. Был случай один. Стало мужикам интересно, как разбогател купец. Спрашивают его напрямую: «Откуда деньги у тебя появились?» А он им отвечает: «Я бочку золота нашел». Люди остались довольны таким ответом – повезло!.. (Акаев П.Н., 1966 г. р., коренной житель. Запись: с. Костенеево, Елабужский район, 2011) (Грахова, 1995–2020).

2) Дед мой был сапожником, мастером своего дела. Чинил обувь и крестьянскую, и хозяйскую. Не только починить мог, но и пошить обувь. Так вот к нему часто приходили купеческие работники. А бабка моя, долго не думая, сама иногда заказы-то относил. Уж больно на двор купцов поглядеть ей хотелось... Приходилось ей и в дома купеческие заходить. Правда, говорит, только в передней бывала. Передаст заказ и уходит. Но видно было, что дома светлые, просторные. Во всем видна была хозяйская рука и порядок. Кухарка ихняя рассказывала моей бабке, что излюбленным занятием у них было чаепитие. Чай они покупали дорогой, долго выбирали. Поэтому каждый день этой кухарке приходилось готовить немислимое количество бубликов, пирогов. А то, что оставалось из выпечки, раздавало слугам и детям... (Д.И. Исмаилова, 1937 г. р., коренной житель Елабуги. Запись: Елабуга, 2011) (Грахова, 1995–2020).

3) Историю знаю. Не помню уж, кто рассказал, но с детства помню.

Был, значит, у Стахеева управляющий. Обычно на такие должности Стахеев справных людей брал, а тут один гнилой затесался. Гаденький мужичонка, говорят, был. Людей не любил. Все тиранил их да страшал, что купцу доклад сделает и без пропитания оставит в наказание. Боялись с ним связываться.

Как уж сам Стахеев узнал о повадках этого управляющего, не знаю, или не помню. Однако призвал он этого злыдня к себе и говорит:

- Ну, докладывай мне, как люд работает, как ты делу служишь.

А управляющий и рад случаю выслужиться, и давай работников грязью поливать: а тот то-то и то-то, а другой вот так-то и эдак-то. Один он молодец. Бьется с бездельниками, уже мочи нет. А те его не слушают, а все назло не работают.

Слушал его Стахеев, слушал, – надоело. Остановил доклад управляющего и говорит ему:

- Вижу, как ты страдаешь. Не получается у тебя с людьми работать. Все собачишься. Поди-ка ты, страдалец, на псарню. Там собачься. (С.И. Татаринцев, 1965 г. р., коренной житель. Запись: Елабуга, 1999) (Грахова, 1995–2020).

5. Заключение

5.1. Исследование материалов устной истории стало возможным благодаря усилению развития публичной истории, особенно в локальных рамках российского краеведения. Фиксация устных текстов производилась на материалах репрезентации повседневных купеческих историй современниками – жителями старых русских провинциальных городков.

5.2. Устные нарративы обыденного исторического сознания широких слоев социума, имеющие ярко выраженную местно-патриотическую окраску, всегда «работают» на повышение статуса города. Они частично сконструированы образами, уже заданными в исторических и популярных текстах, а их сюжетная палитра размещается в контексте массовой культуры. Способы интерпретации исторических событий и фактов уже четверть века носят статичный характер, а реконструкция центрируется вокруг устоявшихся сюжетов.

5.3. В основе устных рассказов, как правило, часто заложен исторический факт, реальное событие, традиционно с некоторой долей вымысла, но в этом, наряду с развитием художественного осознания жанра носителями, с выдвиганием на первый план эстетической функции, заключаются причины их популярности в народе.

5.4. Современные провинциальные репрезентации образа человека из торгового сословия подчеркивают простоту, открытость в общении, доброе внимание к людям, что резко отличает их от традиционных сатирических образов купечества в русской литературе. Носители исторической памяти выделяют не столько деловые качества местных предпринимателей, сколько их благотворительная помощь населению, деятельность по облагораживанию города, резюмируя их социальную роль и положительно оценивая личные и качества, экстраполируя их функцию на региональное развитие и опору страны в целом.

5.5. В устном рассказе о купцах как жанре народной прозы можно выделить типичные признаки: устное исполнение, доступность восприятия, динамичность сюжета, простоту языка. Форму исполнения устные повествования имеют произвольную, не требующую специального запоминания и заучивания текста, что необходимо для исполнения некоторых фольклорных жанров, например, песен или заговоров. Важную роль играет мемуарно-иллюстрационный стиль говорения, требующий передавать рассказ как личное или услышанное воспоминание.

Литература

- [Анциферов, 1924](#) – *Анциферов Н.П.* Быль и миф Петербурга. Петроград, 1924.
[Анциферов, 1925](#) – *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Ленинград, 1925.
[Баранов, 1928](#) – *Баранов Е.З.* Московские легенды. Вып. 1. Москва, 1928.
[Веселова, 2003](#) – *Веселова И.С.* Прагматика устного рассказа // *Современный городской фольклор*. Москва, 2003. С. 534-543.
[Грахова, 1995-2020](#) – *Грахова С.И.* Личный архив. 1995-2020.
[Ефремов, 1929](#) – *Ефремов С.А.* Торговая Елабуга. Елабуга, 1929. [Машинопись] // *Краеведы Елабуги*. Елабуга, 2007. С. 230-238.
[Иванов, 1982](#) – *Иванов Е.П.* Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. Москва, 1982.
[Купеческий, 1925](#) – *Купеческий быт*. Портрет XVIII-XX вв.: Первая отчетная выставка Историко-Бытового отдела Русского Музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Ленинград, 1925.
[Пыляев, 1889](#) – *Пыляев М.И.* Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. Санкт-Петербург, 1889.
[Пыляев, 1891](#) – *Пыляев М.И.* Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. Санкт-Петербург, 1891.
[Разумова, 2003](#) – *Разумова И.А.* Несказочная проза провинциального города // *Современный городской фольклор*. Москва, 2003. С. 544-559.
[Шишкин, 1901](#) – *Шишкин Н.И.* История города Елабуги с древнейших времен. Елабуга, 1901.
[Grahova, Gapsalamov, 2014](#) – *Grahova S.I., Gapsalamov A.R.* The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study // *Bylye Gody*. 2014. № 33 (3). Pp. 410-416.
[Labov, Waletzky, 1967](#) – *Labov W., Waletzky J.* Narrative Analyses: Oral Version of Personal Experience // *Essays on Verbal and Visual Arts* / Ed. J. Helm. Seattle, 1967. P. 12-44.

References

- [Antsiferov, 1924](#) – *Antsiferov N.P.* (1924). Byl' i mif Peterburga [The true story and myth of Petersburg]. Petrograd. [in Russian]
[Antsiferov, 1925](#) – *Antsiferov N.P.* (1925). Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma [Ways to study the city as a social organism]. Leningrad. [in Russian]
[Baranov, 1928](#) – *Baranov E.Z.* (1928). Moskovskie legendy. Vyp. 1. [Moscow legends. Is. 1]. M. [in Russian]
[Efremov, 1929](#) – *Efremov S.A.* (1929). Torgovaya Elabuga. Elabuga. [Mashinopis'] [Trade Elabuga. Elabuga. [Typewriting]]. Kraevedy Elabugi [Local historians of Elabuga] (pp. 230-238) (2007). Elabuga. [in Russian]
[Grahova, Gapsalamov, 2014](#) – *Grahova S.I., Gapsalamov A.R.* (2014). The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study. *Bylye Gody*. 33 (3): 410-416.
[Grakhova, 1995-2020](#) – *Grakhova S.I.* (1995-2020). Lichnyy arkhiv [Personal archive]. [in Russian]
[Ivanov, 1982](#) – *Ivanov E.P.* (1982). Metkoe moskovskoe slovo: Byt i rech' staroy Moskvy [An apt Moscow word: Life and speech of old Moscow]. M. [in Russian]
[Kupecheskiy, 1925](#) – *Kupecheskiy bytovoy portret XVIII-XX vv.: Pervaya otchetnaya vystavka Istoriko-Bytovogo otdela Russkogo Muzeya po rabote nad ekspozitsiey «Trud i kapital nakanune revolyutsii»* [Merchant household portrait of the XVIII-XX centuries: The first reporting exhibition of the Historical and Household Department of the Russian Museum for work on the exhibition "Work and Capital on the Eve of the Revolution"] (1925). Leningrad. [in Russian]
[Labov, Waletzky, 1967](#) – *Labov W., Waletzky J.* (1967). Narrative Analyses: Oral Version of Personal Experience. J. Helm (Ed.) *Essays on Verbal and Visual Arts* (pp. 12-44). Seattle.

Pylyayev, 1889 – *Pylyayev M.I.* (1889). Staryy Peterburg: Rasskazy iz byloy zhizni stolitsy [Old Petersburg: Stories from the former life of the capital]. Saint-Petersburg. [in Russian]

Pylyayev, 1891 – *Pylyayev M.I.* (1891). Staraya Moskva: Rasskazy iz byloy zhizni pervoprestol'noy stolitsy [Old Moscow: Stories from the former life of the original capital]. Saint-Petersburg. [in Russian]

Razumova, 2003 – *Razumova I.A.* (2003). Neskazochnaya proza provintsial'nogo goroda [Non-fairytale prose of a provincial town]. In *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. (pp. 544-559). M. [in Russian]

Shishkin, 1901 – *Shishkin N.I.* (1901). Istoriya goroda Elabugi s drevneyshikh vremen [History of the city of Elabuga since ancient times]. Elabuga. [in Russian]

Veselova, 2003 – *Veselova I.S.* (2003). Pragmatika ustnogo rasskaza [The pragmatics of oral storytelling]. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. (pp. 534-543). M. [in Russian]

Репрезентация истории провинциального купечества позднеимперской России в повседневном нарративе современников

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Светлана Ивановна Грахова ^c

^a Международным сетевым центром фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

Аннотация. На основе зафиксированных материалов устной истории авторы, используя подходы публичной истории и наработки краеведения, пытаются исследовать процессы репрезентации провинциального купечества Закамского региона Татарстана в историческом сознании широких групп современников. Устные нарративы сюжетно традиционны, динамичны, просты и доступны для восприятия, имеют произвольную форму, мемуарно-иллюстративный стиль говорения, следуют широко известным историческим текстам и научно-популярной информации, обладают некоторой долей художественного вымысла, отчего и превращаются в популярный продукт массовой культуры, дополнительно рекламирующий город. Устные рассказы репрезентируют образы купечества в исторической памяти как деловых людей, простых и открытых в общении, искренне заботящихся о земляках и городе меценатах, способствовавших всеобщему благу. При этом крайности выделения классовых недостатков, сатиризация или иконизации реконструируемых купеческих образов в бытовании истории в публичном пространстве напрочь отсутствуют.

Ключевые слова: публичная история, российская провинция, купечество, Российская империя, историческое сознание, историческая память, локальная история, устная история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов), sg2223@yandex.ru (С.И. Грахова)